

— Ты всё еще пьешь мятную воду, — Бай Жуй будто и не услышал этого сомнения. Он вздохнул с глубоким чувством, снял очки и протер их, словно пытаясь скрыть набежавшие слезы. — В горах люди пьют родниковую или колодезную воду, там нет ни чая, ни кофе. Приходилось просто срывать горсть мяты и бросать в воду, чтобы спастись от жары и утолить жажду. В детстве ты очень любил её пить.

Чжай Чэнь опешил. Он даже не обращал внимания на эту деталь. С тех пор как он встретил Гао Юйшэна, этот парень почти не притрагивался к чаю или кофе, обычно попивая только мятную воду.

В горах и правда росло много мяты. Деревенские частенько использовали её как лекарство — чтобы жар снять или зуд успокоить. Однажды Чжай Чэнь играл в карточки с соседским Эргоу и выиграл красивую стеклянную бутылочку. Тогда он, подражая деду Мацзы с окраины деревни, накидал в нее мятных листьев и залил водой.

Вода была холодной, так что вкуса почти не чувствовалось — это было просто баловство, чтобы порадовать Тяньцы. Неужели он помнил об этом все эти годы?

Гао Юйшэн не поддержал разговор. Опустив глаза, он смотрел на написанное на карточке имя «Тяньцы»:

— Где ты был все эти годы?

— Я сирота, родителей не стало. Полиция отвезла меня обратно, но никого не нашла, и меня снова вернули в детский дом, — Бай Жуй не зря был адвокатом: его речь звучала убедительно и складно. Говорил он быстро и уверенно, невольно вовлекая собеседника в свой рассказ.

— Городок у подножия нашей горы называется городок Наньбэй, потому что там стоит каменная стела времен Южных династий. А наша деревня — деревня Пошан, потому что она стоит на крутом склоне.

Всё это можно было легко разузнать, ничего удивительного. Поражало другое: этот человек умудрялся помнить детали из детства.

— Помнишь цыплят, которых мы выращивали? — Бай Жуй будто вспомнил о чем-то прекрасном, его глаза потеплели. Он был довольно красив, но из-за адвокатской привычки одеваться строго и консервативно его внезапная улыбка казалась цветком, распутившимся на железной плите: вроде и красиво, но как-то натянуто и неискренне.

Слушая его, Чжай Чэнь мысленно перенесся в прошлое.

Семья, в которой тогда жил Чжай Чэнь, не была такой жестокой, как горбун — приемный отец Гао Юйшэна. Это была простая, честная и трудолюбивая семейная пара. Весной они купили на ярмарке корзину цыплят, огородили их во дворе плетеным заборчиком и поручили Чжай Чэню приглядывать за ними.

Пушистые желтые комочки оказались ужасно забавными. Они теснились друг к другу, без умолку пищали и так и брызгали энергией. Чжай Чэнь никогда раньше не видел ничего подобного, поэтому сразу позвал Сяо Тяньцы посмотреть.

Тяньцы тоже видел их впервые. Из любопытства он протянул пальчик, желая погладить цыпленка, но тот вдруг повернулся и попытался его клюнуть. Перепуганный малыш тут же отдернул руку.

— Они не кусаются, — Чжай Чэнь поймал одного цыпленка и вложил в ладошки Тяньцы.

Сяо Тяньцы вздрогнул от страха, но, боясь выпустить и покалечить то, что дал ему брат, крепко держал малыша. Поняв, что цыпленок и впрямь не кусается, он просиял:

— Цыплёночек, я Тяньцы. А тебя как зовут?

— Когда он вырастет, то станет большим петухом, — Чжай Чэнь сидел на земле и веточкой, испачканной в краске, рисовал кружок на попке цыпленка. Приемные родители велели ему пометить птиц перед уходом в поле, чтобы те не потерялись.

— А зачем становиться большим петухом? — Тяньцы бережно держал цыпленка, пока брат выводил на нем метку.

— Чтобы съесть! Когда они вырастут, мы их забьем и поджарим, — с уверенностью заявил Чжай Чэнь.

— Но ведь домашних кур нельзя есть просто так, — Тяньцы грустно опустил взгляд на нежно-желтый пуховый комочек. У горбуна дома тоже было несколько кур, но забивали их только по праздникам. В остальное время их либо продавали, либо дарили родственникам.

Этот принцип Чжай Чэнь, конечно, и сам понимал. Каждая домашняя птица была на счету, пропади хоть одна — побоев не избежать.

— Если цыпленок потеряется, ничего страшного. Давай тайно вырастим парочку сами.

Глаза Тяньцы радостно блеснули.

Мальчишки спрятали по цыпленку за пазуху и побежали в лес, где обычно играли. Там они соорудили загончик из веток, устелили его сухой травой и посадили туда своих питомцев.

— Растите скорее, чтобы мы могли вас зажарить и съесть, — приговаривал Сяо Тяньцы, цепляясь за ветки загончика и сглатывая слюну.

Вот только на следующий день обоих цыплят утащила дикая кошка. Чжай Чэнь, так и не успев их вырастить, лишился птиц, да к тому же схлопотал по шее из-за ябеды соседского Эргоу.

— Гэгэ... — Сяо Тяньцы со слезами на глазах смотрел на покрасневшую от удара руку брата.

— Пустяки, — Чжай Чэнь потер ушибленное место и указал на крышу дома Эргоу, где гордо вышагивал большой петух. — В следующий раз мы просто стащим у него готового.

Петух на крыше будто что-то почуял: он поскользнулся, едва не свалился вниз и, отчаянно хлопая крыльями, сердито закукарекал на двух замышлявших недоброе мальчишек.

— Гэгэ, когда я вернусь домой, я угощу тебя жареной курицей. Жареная курица в ресторанах такая вкусная... — Но не успел он договорить, как Чжай Чэнь зажал ему рот ладонью.

Мимо медленно проходил горбун с мотыгой на плече:

— Малец, домой пора.

— Дядя Горбун, пусть он еще немного поиграет со мной, я его покормлю, — Чжай Чэнь поднялся на ноги, крепко обнимая Тяньцы и не желая отдавать его приемному отцу.

— Ну играйте, — буркнул горбун и, бросив на них косой взгляд, не спеша побрел к дому.

Чжай Чэнь похлопал по спине прижавшееся к нему напряженное детское тельце и хотел уже опустить малыша на землю, но тот вцепился в него еще сильнее.

— Гэгэ, когда у меня будет собственный дом, я заведу двух куриц и буду кормить ими только тебя, — прошептал ему на ухо Тяньцы. Малыш понимал, что говорить «вернусь домой» при горбуне опасно — за это могли избить. Поэтому он изощрялся в формулировках, точно несчастный ученый эпохи Цин, пытающийся избежать литературной инквизиции.

— Ладно, договорились. Когда выберемся отсюда, угостишь меня жареной курицей.

...

— Я увидел новости по телевизору и сразу поехал искать тебя. Когда я раньше видел передачи с твоим участием, то сомневался, не смея поверить до конца. Ведь раньше тебя звали не Юйшэн... Все эти годы я только о тебе и думал, — трескотня Бай Жуя, сыпавшего словами как из пулемета, вырвала Чжай Чэня из воспоминаний.

По сравнению с этим фальшивым братом сам он выглядел на редкость непутевым. Увидев лицо Гао Юйшэна, он даже не вспомнил Тяньцы, а узнал его исключительно по какому-то животному, первобытному чутью. Просто поразительно.

— Я очень рад, — Гао Юйшэн поднял глаза на Бай Жуя, но при этом отклонился назад, привалившись плечом прямо к руке Чжай Чэня. — Спасибо, что до сих пор помнишь обо мне.

Чжай Чэнь посчитал такую позу неподобающей для деловой встречи и, пытаясь высвободить руку, слегка ущипнул Генерального директора Гао за шею сзади.

— Оставьте вашу визитку, — Гао Юйшэн и бровью не повел, позволяя Чжай Чэню щипать себя, но так и не сдвинулся с места. — Сегодня я слишком занят. В другой раз обязательно пообедаем вместе.

Бай Жуй, кажется, опешил от такой холодности. Помедлив мгновение, он достал из кармана визитку с золотым тиснением.

— Всё спросил? Может, пора побить? — негромко спросил Чжай Чэнь у Гао Юйшэна.

Гао Юйшэн проигнорировал его, продолжая наваливаться на его руку.

Бай Жую слышалось «может, пора пойти», поэтому он поспешно сказал, что если есть дела, то не стоит задерживаться, а повспоминать прошлое можно и потом. Гао Юйшэн не стал возражать и вежливо проводил гостя.

Когда гость ушел, Гао Юйшэн протянул визитку Секретарю Чжэн:

— Наведи справки, существует ли такой человек на самом деле.

На визитке значилась довольно известная адвокатская контора, так что проверить информацию не составляло труда. Но если Генеральный директор Гао поручил это Секретарю Чжэн, дело явно не ограничивалось простой проверкой статуса адвоката Бай Жуя. Секретарь Чжэн все понял без слов и удалился, оставив мужчин наедине в молчаливом замешательстве.

Гао Юйшэн молча сверлил его взглядом.

— Э-э... ну, в общем, я понятия не имею, как назывался тот городок. Но я точно знаю, что деревня называлась Бошан — потому что гора формой напоминала плетеный совок. Так говорил дедушка Мацзы с окраины, — заметив недобрый блеск в глазах Гао Юйшэна, Чжай Чэнь поспешил доказать свою подлинность.

Гао Юйшэн лишь фыркнул, схватил его за затекшую руку и решительно потащил вон из кабинета.

— Эй, эй! — Чжай Чэнь, оставшись без кислородной подзарядки, покачнулся от рывка, но успел подхватить сумку одной рукой и закинуть ее на плечо. — Куда мы?

Сотрудники компании «Пунктир» прилежно работали, опустив головы, но стоило боссу и его спутнику скрыться за дверью, как из-за перегородок одна за другой начали высовываться любопытные головы, точь-в-точь как молодые побеги бамбука после дождя.

— Мне ведь не показалось? Босс только что вывел маленького телохранителя за руку?

— Да ладно тебе, он просто держал его за запястье.

— Держать за запястье — это тоже ненормально, ясно? Я же говорила! Этот телохранитель такой неженка, да еще и ростом поменьше Генерального директора Гао. Сразу видно, никакой он не настоящий телохранитель!

Чжай Чэнь, даже не подозревая, что в офисе вовсю судачат о его «служебном романе», покорно следовал за Гао Юйшэном. Тот спустился по лестнице и завернул в закусочную с жареной курицей прямо у офисного здания.

Стоял разгар рабочего дня, поэтому посетителей почти не было. Гао Юйшэн заказал целый стол разнообразной жареной курицы, протянул Чжай Чэню одну ножку, а вторую взял сам и молча принялся за еду.

— И что это на тебя нашло? С бухты-барахты... — Чжай Чэнь с улыбкой покачал головой, держа в руке куриную ножку.

Гао Юйшэн ничего не ответил, лишь с яростью вгрызаясь в сочное мясо.